

Даниил Мордовцев

МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ

I. КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ

В хоромах князя Данилы Щеняти, что у Арбатских ворот, идет пир горой или, как поется в былинах, «заводилось пированьице, почестей пир, собирались все князья, бояре московские».

— А где же, князюшка-сват, твои калики перехожие, что похвалился ими? — спросил боярин Григорий Морозов, сильно подвыпивший, но крепкий на голову и на ноги.

— А на рундуке... Ждут, когда почестен наш пир разыграется.

— Чего же ждать, дорогой тезушка, коли «княжеский стол по полустоле, за столом все пьяни, веселы», — сказал, ставя на стол свою чару, старый князь Холмский Данило Дмитриевич, победитель новгородцев на берегах Шелони-реки.

— Ладно... Веди калик, — кивнул хозяин старому дворецкому.

В столовую светлицу вошли трое калик перехожих: двое молодых и зрячих, а третий старый и слепой. Войдя, калики «крест клали по-писаному, поклон дали по-ученому» и, откашлявшись, затаили:

Нашему хозяину-князюшке честь бы была,
Нам бы, ребятам, ведро пива дано:
Сам бы хозяйюшка с гостями испил
Да и нас бы, калик, ковшом не обнес.
Тада станем мы, калики, сказывати,
А вы, люди добрые, почетные, слушати,
Что про стары времена, про доселетняя.

Калики на минуту приостановились, и старший из них, слепой, достав из-за спины «домру», стал перебирать струны... Пирующие притихли: в мелодии слепца слышалось что-то внушительное.

По знаку дворецкого холопы поднесли певцам по ковшу пива. Те перекрестились, выпили, утерлись рукавами...

И вдруг с уст их полилось торжественное:

Из-за лесу, было, лесу темного,
Из-под чудна креста Леванидова,
Из-под бела горюч камня Латыря, —
Тут повышла-выходила, повыбежала,
Выбегала тут, волетала Волга-матушка,
Лесом-полем шла верст три тысячи.
А и много в себя мать рек побрала,
А что ручьев пожрала — счету нет,
Широко-далеко под Казань прошла,

За Казанью-то реку, Каму выпила,
А со Камушкой-то Вятку пожрала.
А той Вятке-реке честь великая:

Поит-кормит она славный Хлынов-град¹,
Что родной он брат граду Новугороду...

— Как! — остановил певцов боярин Морозов. — Хлынов — родной брат Новугороду?.. С какой такой родни?

— А как же, боярин, — отвечал слепец, — спокон веку так повелось, от дедов и прадедов наших: Хлынов — меньшей братец Великому Новугороду.

— И мне то же сказывали новугородцы, — поддержал слепца князь Холмский. — Даже посадница Марфа про родство Хлынова с Новым-городом говаривала. И чудно так, словно сказка...

— Не сказка, боярин-батюшка, а быль истинная, — настаивал слепец.

— Так ты расскажи, старче, а мы послушаем, — возвысил голос хозяин и кивнул холопам...

Калики переходящие снова осушили по ковшу пива.

---

¹ Так назывался до 1789 года город Вятка, ныне — Киров.

— Давно это было... — степенно начал слепец. — Не сто и не двести лет, а, може, с полутысячи годов тому будет. Воевал тогда господин Великий Новгород — чудь белоглазую. Все мужья новгородские, и стар, и млад, ушли на войну. Не год, не два воевали, а поди годов пять. И соскучились в Новгороде бабы по мужьям. Знамо, дело женское, плоть бабья несутерпчивая...

— Так, так... — угрюмо заметил боярин Морозов. — В Писании убо сказано: «Баба — сосуд сатаны».

— Не всякая баба такова, — возразил князь Холмский. — Ну а что же дале? — обратился он к слепцу. — Сказывай, старче.

— А тут, господа почестные, вышло как будто и по Писанию... — раздумчиво продолжал слепец. — Бабы-то Новагорода, точно горшком этим, чертовым, оказались... Со скуки-то по мужьям и сошлись многие из них, и боярские жены, и служилых людей, и смердки, — сошлись, так бы сказать, с молодью безбородою, что еще и в походах не бывали.

— А и не пять — ровно семь годков воевала тогда новугородская рать... — вступился, будто оправдывая что-то, один из молодых певцов. — Так, слышал, старики баяли.

— Ин пуцай семь, — согласился слепец. — В эти-ту семь годков жены новугородски и прижили с

молодью деток. Как тут быть? Воротятся мужья, найдут приплод... Стало быть, либо в прорубь головой, либо...

— Так все мне и посадница Марфа сказывала, — подтвердил Холмский.

А слепец продолжал:

— Знамо дело: новгородцам не привыкать было стать ушкуи строить... И понастроили, оснастили, запаслись зельем пороховым, пушками со стен городских, захватили рухлядь, весь обиход, казну... помолились у Софей Премудрости Божией да и вышли Волховымрекою в Ильмень, а Ильменем — в Ловать-реку, а из Ловати переволоклись на Волгу...

— Точно, точно, — подтвердил князь Холмский. — Так и ушкуйники встарь дельвали.

— Да и Василий Буслаев со своею удалью... — сказывал хозяин. — Этот и до Ерусалима-града доходил, и в Ердань-реке крестился.

Все гости князя Данилы Щеняти заинтересовались рассказом слепца.

— Ишь ты!.. И впрямь, выходит, Хлынов-град Великому Новгороду брат.

— Такой же разбойник, как и старший братец: что от него терпят вологжане, устюжане, каргопольцы, двиняне, даже тверичи — не приведи Царица Небесна!

— Надо бы его ускромнить, как ускромнили Новгород с другим его младшим «братцем» — Псковом.

— А поди и у них есть своя Марфа-посадница, у хлыновцев этих?

— Как не быть: везде баба! Сказано: «сосуд сатаны».

В это время князь Холмский обратился к боярину Шестаку-Кутузову:

— Онамедни на тебя, боярин, намекал великий государь... Кажись, тебя удумал государь послать под Хлынов с ратными людьми.

— Ой ли! — обрадовался тот. — Пошли, Господи! Пора бы и мне косточки поразмять.

В этот момент дверь столовой палаты растворилась и на пороге показался новый гость... Его сухое, пергаментное лицо обличало либо великого постника, либо человека заработавшегося; зато этот усохший, иконописный лик освещали живые, ясные глаза.

— А! Кум Федор! — радостно воскликнул хозяин. — Добро пожаловать... Что так запоздал?

— У великого князя на духу был, — отвечал пришедший, кланяясь гостям князя Щеняти.

— Добро... Выпей первее, куманек. На духу у государя был, чаю, умаялся... Он поп у нас строгий.

— А у тебя калики перехожие... — заметил пришедший. — Откедова?

— Из Хлынова-града.

— А!.. Из Хлынова? — и пришедший как-то загадочно улыбнулся.

К нему подошел князь Холмский.

— Ну, друже мой искренний, — сказал Холмский, — ты кстати пришел... Ты и великий книгочей, и голова твоя что вся царская дума... Ты нам порасскажешь про Хлынов-град.

Пришедший снова загадочно улыбнулся, взглянув на калик перехожих.

II. ПРО СВЯТОРУССКУЮ СТАРИНУ

Пришедший был знаменитый думный дьяк Курицын Федор, правая рука государя и великого князя Ивана Васильевича III.

Когда дьяк поздоровался со всеми и перемолвился несколькими словами, князь Холмский снова заговорил с ним.

— Вот эти калики, — сказал он, — поведали нам, откуда пошла есть вятская земля и город Хлынов, как бы стольной ее град... О том, как беглые новгородцы, вышед своими ушкуями на Волгу, доплыли до Камы-реки... Но что ж смотрела Тверь? Тягалась с Москвою, а не могла перенять беглецов. А Нижний? А Казань?..

— Да Казани в те поры и не было, — отвечал дьяк. — Ее поставили уже татары, что, как стая

волков, нагрянули на Русь-матушку. А новгородцы те, войдя в Каму, срубили тогда себе городок... Лесу там не занимать стать. Но тут, как говорит летописец, прослышали они, что еще дале есть привольные земли. Не все, а большая их половина, поплыли по Каме и доплыли до высокой горы. А на той горе, видят, стоит город, укрепа вотяцкая. Как быть? Укрепа сильная! А было это перед днем памяти святых Бориса и Глеба². И начали они молиться угодниками, чтобы помогли им добыть этот город, и угодники помогли.

— Святители Борис и Глеб искони наши заступники перед Господом, — заметил Шестак-Кутузов. — Благоверному Александру Невскому они же помогли на проклятых свеев.

— Ведомо вам сие место? — спросил князь Щенята калик перехожих.

— Наши деды и прадеды назвали тот городок Болванским, — отвечал слепец. — Потому как они нашли тамotka болванов-богов вотяцких. Ныне тот городок Никулиным слывет.

А дьяк Курицын продолжал:

— И построили наши ушкуйнички в том Никулине церковь святых Бориса и Глеба, памятуючи их помощь себе. А те из них, беглых

---

² 24 июля по старому или 6 августа по новому стилю.

новугородцев, что первыми было осели на Каме, проведав о сем, поплыли вверх по Каме еще дальше, из Камы вошли в реку Вятку. Там в те поры сидели черемисы, и укрепа у них была городок Каршаров...

— Ладно, — перебил повествователя хозяин, — у тебя поди в горле пересохло...

Дворецкий тотчас налил дьяку чару вина и подал с поклоном.

Выпив чару, Курицын продолжал, точно читал по книге:

— Как добыть Каршаров? А святые Борис и Глеб на что?

И стали наши ушкуйники молиться угодникам, и угодники помогли. Напустили они на черемис видение, бытто на них идут несметные рати, и убоялись те, и убегли. И из Каршаров стал городок Котельнич.

— Это уже опосля назвали его Котельничем, — заметил слепой калика. — Тамotka нашли наши деды медь и железо и учили делать котлы знатные. С той поры Каршаров и стал Котельничем.

— А что ж Хлынов-град, далеко ли еще до него? — спросил Морозов.

— Близехонько, — отвечал Курицын. — Сейчас доплывем. И точно: вскоре узрели высокую гору, что при впадении в Вятку-реку реки

Хлыновицы. Так они называли ее потому, что по той реке водились неведомо какие дикие птицы, коих крик пришельцам слышался якобы так: «Хли-хли! Хли-хли!»

— Есть такая у вас птица? — спросил хозяин калик перехожих.

— Может, и есть, батюшка князь, только мы не ведаем, про которую птицу говорится, — отвечали те. — Может, выпь, может гагара...

— Узревши гору над рекою, — продолжал дьяк, — ушкуйники и возлюбили то место. И бысть новое тут чудо. Неведомо откуда пригнала, надо полагать, Небесная сила к тому месту такое великое множество готовых бревен, что было из чего срубить и детинец, и земскую избу, и церковь Воздвижения Честнаго Креста Господня...

Боярин Морозов не вытерпел... Он ударил кулаком по столу и горячо проговорил:

— Нет, князь и бояре!.. Не Небесная то сила пригнала к ним те бревна, а сила нечистая. Коли Господь стал бы помогать бабам, которые закон поломали, мужей обманули, казну покрали! Знаю, нечистая сила... А все бабы — сосуд сатаны! Стали бы угоднички помогать блудницам вавилонским, ни за какие молебны! А откедова они себе попов добыли? Тоже, чаю, беглые... да с чужими женами.

В это время дворецкий тихонько доложил что-то своему господину.

— Гости мои дорогие! — обратился хозяин к пирующим. — Прослышала моя благоверная про ваш приход ко мне и похотела сама почтить вас медами сладкими.

— Слава, слава княгинюшке на добром хотении! — воскликнули все разом.

И тотчас из внутренних покоев дородная княгиня выплыла, точно лебедь белая, а за нею холопы с подносами, уставленными чарами с медом, и началось потчеванье с поклонами.

Угощая гостей, княгиня с любопытством поглядывала на калик переходящих, ради которых, собственно, она и вышла.

— Поднесите и странничкам, каликам переходящим, — сказала она холопам, обойдя с ними всех гостей.

Выпили страннички. Зрячие лукаво переглянулись, а слепец спросил:

— Про старину молвишь, княгинюшка?

— Про старину, старче Божий, — был ответ.

По струнам домры тотчас ударили пальцы старшего из калик переходящих — неожиданно сильные для старика быстрые пальцы, и он запел протяжно, торжественно, а зрячие подхватили:

Как на славной было, братцы, на Сафат-реке.

Нездорово, братцы, учинилось.

Помутилась славная Сафат-река,

Помешался славный богатырский крут:
Что не стало большого богатыря
Старого удаля Ильи Муромца!
Уж вы, братцы, вы, товарищи!
Убирайте-ка вы легки струженьки
Дорогим суконцем багрецовым,
Увивайте-ка весельчики
Аравитским красным золотом,
Увивайте-ка укрюченьки
Цареградским крупным жемчугом, —
Чтобы по ночам они не буркали,
Чтобы не подавали ясака
К тем злым людям — татаровьям...

Все сосредоточенно слушали стройное, за душу хватающее пение, княгиня сидела пригорюнившись и тяжело вздыхала, точно в церкви «на страстях». Это пелась былина о том, «как перевелись богатыри на святой Руси...»

Выехали в чисто поле все семь могучих богатырей с Ильей Муромцем во главе, и едва всесветный хвостун Алеша Попович громко воскликнул: «Подавай нам силу хоть Небесную, мы и с тою силою, братцы, справимся», как навстречу им «двое супротивников»... То были ангелы, и богатыри их не узнали. Завязался бой. Разрубил одного Алеша, а из одного стало двое!

Сколько богатыри ни рубили супротивников,

а число их все удваивалось...

И богатыри от ужаса окаменели!

Калики перехожие кончили каким-то стоном:

С тех-то пор могучие богатыри

И перевелися на святой Руси!

Тут богатырям и старинам конец...

Княгиня, подперев щеку рукой, горько плакала...

III. ХЛЫНОВ СПРАВЛЯЕТ РАДУНИЦУ

Мы в Хлынове...

Над городом белая, ясная ночь севера, когда заря с зарею сходится. С ближайшего луга, что упирается пологим берегом в реку Вятку, несутся звуки веселых песен и визг «сопелий и свистелей», прерываемый иногда глухим гудением бубна. Слышны мелодичные женские хоры вперемежку с мужскими. Это хлыновцы справляют веселую Радуну³, канун рождества Иоанна Предтечи. В

---

³ По церковным канонам Радоница — день поминовения усопших, родительская (во вторник второй недели Пасхи). Автор отмечает языческий оттенок, который был присущ этому дню в то далекое время.

это время в самом городе мимо церкви Воздвижения Честного Креста, тихо бормоча про себя, пробирается старичок в одежде черноризца и с посохом в руке.

— Никак блаженный муж Елизарушка? — окликнул его женский голос.

Старик остановился и радостно проговорил:

— Кого я зрю! Благочестивую воеводицу Ирину... Камо грядеце в сию бесовскую ночь?

— И не говори, родной! И так-то горе на душе да думушки невеселые, а тут эта Радуница спать не дает. А иду я за моей ягодушкой Оничкой: убивается она по батюшке, так и пошла, чтобы горе размыкать, в церковь, помолиться и поплакать. Уж так-то она сокрушается по отце. А ты зачем в город да еще и на ночь?

— Бегу от беса полуночно: эти сопели да свистели с бубнами изгнали меня из моего скитка. Иду я теперь и повторяю про себя святые словеса отца Памфила, игумена Елизаровой пустыни: «Егда бо придет самый праздник Рождества Предтечева, когда во святую сию ночь мало не весь град возметется и в селях возбесятся в бубны и в сопели, и гудением струнным, и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканием и плясанием, женам же и девам главами кивание, хребтами вихляние, ногами скакание и топтание... ту же есть мужам и отрокам великое падение, ту же есть на

женское и девичье шатание блудное им воззрение, такоже есть и женам мужатым осквернение, и девам растление...»

— Ох, уж и не говори, Лизарушка-свет, — набожно качала головой та, которую назвали воеводицей. — На свет бы не глядели мои глазынки. А тут мой-то как в воду канул, с самого светлаго праздничка не подал о себе ни единой весточки.

— Да с кем, матушка? Да и то молвить: вить они в Казани около царя Ибрагима долгонько околачивались, договор с ним учиняли: стать заодно супротив князя московского Ивана Васильевича. Потом же в Москву отправились узнать-прознать обо всем...

— А коли мово-то с товарищи спознают там?

— Как их спознать? На Москве кого нет!

— Хоть и сказывал мне Исуп Глазатый, что, едучи с Москвы к Нижнему, он сустрел их на пути во образе калик перехожих, а все страшно.

— Точно, матушка, — подтвердил старичок, — каликами перехожими они к Москве путь держали. А царь-от Ибрагим и грамоту им дал с тамгою, плечо о плечо татаровям с хлыновцами добывать Москву. А все же не одобряю я сего. Хоша Пахомий Лазорев и похвалялся: «Давно-деи мы разве Золотую Орду пустошили, стольный их град Сарай на копье взяли и разорили? А

Москва-деи Сараю сколько годов кланялась, дань давала, а московские князья холопами себя у тех ханов почитали... Не устоять-деи Москве супротив Хлынова и Казани.

— Ох-ох! — скорбела воеводица.

В это время из церкви вышли две девушки.

— Вот и Онюшка с Оринушкой...

Одна из девушек была белокурая красавица, высокая, стройная, с роскошною льняною косой, мягким жгутом падавшею до подколенных изгибов. Что придавало ее миловидному личику особую оригинальность и красу — это ясные черные, детски невинные глаза под черными же дугами бровей. Это и была Оня, дочь воеводицы.

Другая девушка была полненькая, черненькая, с синими, как васильки, глазами. Когда она улыбалась, сверкали ровные и белые, как кипень, зубки. Эта была Оринушка Богодайщикова, приятельница Они.

Обе девушки подошли под благословение старичка.

— Здравствуйте, девоньки, — ласково заговорил он, перекрестив истово и погладив наклонные девичьи головки. — Молились, деточки?

— Молились, батюшка, — отвечали они.

— Благое дело творили, детки, — похвалил старичок. — А то, вон там, невегласи, вишь, как

бесу молятся, — кивнул он головой по тому направлению, откуда несло пение и гудение веселой Радуницы. — Ишь расходилось бесовское игрище!

А «бесовское игрище» было, по-видимому, в самом разгаре. То веселились дети природы, совершая обрядовый ритуал, как во время Перуна, который, казалось, на мольбы новгородцев «выдибай, Боже!» сжалился над детьми природы, выплыл на берег Волхова и переселился на берега Вятки, где и ютился в зелени лугов града Хлынова.

Теперь бубны перешли в нестовое гудение, а пение в «неприятен клич». То уже была оргия несдерживаемой страсти: «хребтами вихляние, ногами скакание и топтание», женское и девичье «шатание» — бал детей природы, только не в душных залах, а среди цветов и зелени лугов, под бледным северным небом, которое, казалось, благословляло их...

— Про батюшково здоровье молилась, миленькая Онисьюшка?

— Про батюшково, дедушка, — отвечала, потупля лучистые глаза, Оня.

Но если б через эти лучистые глаза можно было заглянуть в девичье сердце, то там, рядом с лицом старого батюшки-воеводы, отразилось бы другое бородатое лицо, полное мужественной энергии. Но об этом знала-ведала только подушка,